

MENSUEL
260 fr.

CARNIERS PERIODIQUES
(84e cahier, Décembre 1958)

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

Литературно-политическія
тетроды

ТЕТРАДЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ
Декабрь 1958 года

Антон Павлович Чехов

PARIS

73, av. des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél.: ELYsées 06-03

В полѣ зрѣнія

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Просторный кабинет Императорскаго Русскаго Театральнаго О-ва подон "до отказа". Оно и понятно: будет слушаться громкое дѣло о нарушеніи добрых театральных нравов директором в Москвѣ г-м Суходольским по отношенію к режиссеру театра, извѣстному артисту Дувану-Торцову.

Г-н Суходольскій, один из увѣданных предводителей дворянства, очевидно хорошо знакомый со всѣми формами обращенія с людьми самых различных положеній на общественной лѣстницѣ, усвоил собѣ в отношеніи к режиссеру и артисту Дуван-Торцову недопустимыя по грубости формулы обращенія к нему и тѣм создал невыносимую для творческой работы атмосферу.

Послѣ нѣскольких месяцев терпѣніе Дувана-Торцова "лопнуло", он порвал контракт и требовал с Суходольскаго уплаты неустойки. Совѣтъ И.Р.Т.О. спросил мое, в качествѣ постоянного юристконсультанта, заключеніе.

Оно состояло в слѣдующем: дѣло имѣет двѣ стороны: гражданско-правовую и общественно-моральную. По руссійским гражданским законам столкновенія интересов разрѣшаются Общими Судебными Установленіями. Им подлежит и в данном случаѣ рѣшать вопрос о правѣ на неустойку артисту, порывающему контракт и уходящему из театральнаго предпріятія ввиду невыносимых моральных условій созданных антрепенером.

В правовом государствѣ, а Имперія Россійская является таковым, область права не должна противопоставляться, одна другой, сферѣ общественной морали вообще и условій в частности; принужденіе к перенесенію нарушеній морали само по себѣ безправственно. Это нарушеніе, в данном случаѣ, со стороны антрепенера — г-на Суходольскаго совершенно бесспорно заслуживает по меньшей мѣрѣ суроваго разъясненія с предупрежденіем на будущее время.

Болѣе деликатен другой вопрос: что, артист, переносящій оскорбленія и ссылающійся на свою жертвенность ради служенія искусству, — помогает торжеству чистоты театральных нравов или вредит им?

Императорское Русское Театральное О-во, стоящее на стражѣ интересов дѣлаго, не может поддаваться сентиментальным ощущеніям частнаго; оно не должно забывать само и внушать театральному міру, что подлинное служеніе искусству есть служеніе красотѣ, забота о возможности взлета ввысь челоѣческой души, а это возможно только при условіи соблюденія всѣх требованій обще-челоѣческой морали.

К чести Російскаго театральнаго міра должен добавить, что Совет согласился с заключеніем юрисконсульта, а обѣ стороны в интересах общаго служенія театру закончили дѣло миром.

Другой случай, не менѣе красочный: владѣлица театральнаго предпріятія X имѣла привычку выстраивать свою труппу для директорскаго обхода и, здороваясь с каждым из артистов, пожимала ему руку. Поздоровавшись с одной из артисток, она на очередном обходѣ демонстративно *“не подала ей руки”*.

Разрыдавшаяся артистка бросилась за защитой в И.Р.Т.О., а оно обратилось к юрисконсульту с просьбой помочь в дѣлѣ. Я посоветовала возбудить дѣло об оскорбленіи дѣйствіем. Дѣло слушалось у Мироваго Судьи Тверскаго участка.

Антрепренерша защищалась тѣм, что она не обязана подавать руку, а никаких бранных слов она не произносила; она просила дѣло прекратить за отсутствіем состава преступленія.

Повѣренный артистки доказывал, что в данном случаѣ имѣет мѣсто, т. н., *символическое оскорбленіе дѣйствіем*: не подала руки в извѣстной обстановкѣ что равносильно нанесенію оскорбленія. Для выясненія обстановки Судья допустил допрос свидетелей, что предрѣшало приговор не в пользу антрепренерши; она поспѣшила закончить дѣло полюбовно.

Получаю телеграмму из Кіева: “умоляю пріѣхать”. Подпись молодой артистки Кіевской оперы. В бюро И.Р.Т.О. узнаю, что возник острый конфликт между директором-антрепренером, Богровым, и первым сопрано. Ёду в Кіев. На мѣстѣ узнаю, что между антрепренером и артисткой конфликт не театральнаго характера: по в его итогѣ антрепренер не давал артисткѣ возможности выступить в оперном спектаклѣ, уплачивая в то-же время слѣдующее ей по контракту жалованіе.

Возник вопрос о сущности театральнаго контракта: есть-ли он только договор личнаго найма с оплатой хозяином труда рабочаго или-же предоставленіе возможности выступленія есть существенная часть принятых антрепренером на себя обязательств.

Выслушиваю доводы обѣих сторон. Голос артистки: “Для меня весь вопрос о возможности начать мою карьеру. Уйти самой — это значит потерять сезон и сознавать, что моя артистическая личность тут ни при чем. Остаться и не выступать — это давать повод театральным сплетням говорить, что “даже” не дали выступить, так было плохо. А на самом дѣлѣ не было ни одной репетиціи, гдѣ я могла бы себя проявить, как артистка. Не виновата-же я, что я молода и нравлюсь людям. Я в отчаяніи”.

Богров старается в разговорѣ со мной уйти от даннаго случая в область теоретических разсужденій. “Помилуйте”, говорит он “какой-же я буду антрепренер, если кто либо будет вмѣшиваться в управленіе дѣлами. Допустите, что я ошибся при подписаніи контракта, — я за

эту ошибку плачу обусловленное по договору жалование, не требуя за это никаких проявлений театрального аплауза.

Положение было трудным: формальная правда столкнулась с подлинной. Выручила сама судьба: заболела "примадонна"; нужно было спасти репертуар; ее заменила молодая "дублерша" и с таким оглушительным успехом, что антрепренер поспешил войти в орбиту открытой им новой "звезды" на театральном небосклоне.

Но не всегда на роли "жертвенных овец" оказывались артисты. Попадало и антрепренерам. На Московских театральных подмостках подвизался талантливый комик — Б.в. Соперников у него было мало, хотя он и был всего только "коршевский", а не "Императорский". Знаменит он был не только талантом игры, но и умением "брать деньги без отдачи". У всех: добрых знакомых, товарищей по сцене и, конечно, у антрепренеров. Каждый год на него поступали жалобы в Совет И.Р.Т.О.

Не обошлось без анекдота, рассказанного им самим мнѣ за стаканом доброго французского вина: "Прихожу", говорит он "на большой обед; денег в кармане "ни шиша"; знакомых не вижу. Как быть? Высмотрѣл господина в старомодном сюртуке. Подхожу и говорю ему: "Я Вас удивляю; Вы меня совсем не знаете, а я попрошу у Вас взаймы сто рублей". Он смѣясь, отвѣчает: "Я Вас удивляю еще больше; я прекрасно знаю, кто Вы; но дам Вам двѣсти".

КОНТРОВЕРЗЫ

Это было болѣе полувѣка тому назад, в годы наиболѣе страстных споров о творчестве А. П. Чехова и об его героях. Известный французскій академик, знаток русской литературы, Мельхиор де Вогюэ помѣстил в своем литературно-критическом сборнике статью, посвященную творчеству Чехова и психологии его героев и окружающей их среды.

Вердикт был потрясающій по своей суровости. Не столько для таланта писателя, сколько для его героев и породившей их среды. В своих выводах французскій академик опредѣлил ее, т. е., "Чеховщину", как порождение вырождающейся культуры, т. е., вырождением національной Россіи. Он нашел в произведениях Чехова образ, символизирующій состояние Россіи: Это — мертвое тѣло, лежащее на опушке лѣса, покрытой глубоким снѣгом. Тѣло охраняющееся двумя вооруженными стражниками. Душа этого народа ушла в "Нирвану". Это было написано за нѣсколько лѣт до революціи 1905 года.

Меня не удивляет теперь, послѣ "легендарных" по своей целиности выступлений иностранных "мужей мудрости", касающихся Россіи вообще, и Императорской в частности. Что Мельхиор де Вогюэ не подслушал ни подземного гула надвигающейся грозы, не замѣтил гигантскаго культурнаго роста страны и "болѣзни роста" принял за сущность организма, — это почти понятно, если принять во вниманіе

по пути героическаго усилія Россійской революціонной интеллигенціи затрачены ею, чтобы убѣдить весь міръ в ничтожествѣ “гиганта на гнилыхъ ногахъ”. Посѣвъ лишь далъ богатые плоды. Но эти плоды вынуждены быть и эта “революціонная интеллигенція”.

В эти-же годы в журналѣ, посвященном “Вопросамъ Философіи и Психологіи”, появилась напумывшая статья профессора, князя С. Н. Трубецкаго, озаглавленная: “Лишніе люди и герои нашего времени”; статья эта с первой ея части была посвящена безпощадной критикѣ “Чеховскихъ героев”, этих “моральныхъ импотентовъ”, только нытиков и неврастеников, полуразложенныхъ физически и умственно и отравляющихъ все окружающее. И это в то время, когда, по утверженію князя Трубецкаго, требуется особое напряженіе общественной активности. А. П. Чехов виноватъ в томъ, что замыкаетъ кругъ выводимыхъ им персонажей этими “лишними”, “никому не нужными люднышками”.

К моему ужасу князь С. Н. Трубецкой видитъ спасеніе в идущемъ на смѣну “лишнихъ людей” Чехова новомъ классѣ людей, нашедшихъ свое отраженіе в произведеніяхъ Максима Горькаго. Это — “подлинные герои нашего времени”. Они вѣрятъ в свои идеалы; знаютъ чего хотятъ; хотятъ того, что знаютъ. Время показало гдѣ правда.

Меня поразило не столько содержаніе статьи, сколько фактъ ея авторства в лицѣ князя Трубецкаго. Вотъ его силуэтъ, врѣзавшійся в мою память и свято хранимый до сихъ поръ.

Князь С. Н. Трубецкой былъ учителемъ безсмертія. Для него человѣческая душа была образомъ и подобіемъ Божіимъ. Всѣ ея силы и возможности должны быть направлены къ достиженію правды на землѣ. Но правды нѣтъ безъ любви, а любви безъ жертвы тому, кто в ней нуждается. Рожденная безсмертной, она рождена и свободной. Отсюда правда, любовь и свобода являются руководящими идеями устройства общественной и государственной жизни.

Кн. Трубецкой не былъ революціонеромъ. Онъ вѣрилъ в торжество мирнаго процесса эволюціи. Онъ вѣрилъ в могущество культуры: онъ страстно защищалъ университетъ отъ администраціи, когда это было нужно; отъ улицы, когда она вторгалась в храмъ науки.

Россія была на переломѣ. “Волны человѣческихъ страстей хлещутъ все сильнѣе”, — говорилъ кн. Трубецкой в Московской Городской Думѣ. В Земскихъ и Городскихъ Кругахъ возникла мысль о непосредственномъ обращеніи къ Монарху. Эта мысль приняла конкретныя формы. Общественная делегація была принята в Высочайшей аудіенціи в Петергофскомъ Дворцѣ.

От ея имени кн. Трубецкой сказалъ, обращаясь къ Государю Императору: “Вы — Царь не дворян, не купцовъ и не крестьян. Вы — Царь всея Россіи. В Россіи не должно быть безправныхъ и обездоленныхъ. В защитѣ правды и ея свободнаго развитія Верховная Власть встрѣтитъ полную поддержку в борьбѣ с развивающеюся крамолой”.

Через несколько дней кн. С. Н. Трубецкой скончался от разрыва сердца в кабинете Министра Народного просвещения во время своей речи в защиту свободы студенческих собраний. Вся Россия пришла на его похороны. В лентах похоронных венков можно было различить все оттенки политической радуги, среди красных республиканских гвоздик резко выделялись царственные орхидеи.

Контroversa, казавшаяся мне очевидной, побудила меня злоупотребить простотой обращения кн. Трубецкого со своими университетскими слушателями и спросить его, как сопоставить одно с другим? А уже начинался 1905 год.

Князь Трубецкой разсмѣялся и сказал: "моя статья вытекала не из отвлеченных идеологических построений, а из практических политических соображений. Читая ее, Вы не обратили вниманія на то, что я пропагандирую в ней не идеалы "Горьковских босяков", а лишь их организованную активность. Отсутствие ее у наших либеральных кругов ставит их в опасное положеніе со стороны уже не политических противников-консерваторов, а с стороны напора разнуздавшейся черни. Вскрыть это положеніе и было моею задачей".

Если статья кн. Трубецкого вызвала изумленіе в умѣренных кругах, то не меньшій переполох произошел и в радикальных послѣ цитируемой мной выше фразы князя в его речи, обращенной к Государю Императору, в коей упоминается о борьбѣ с "крадущейся крамолой". Это нашло свое отраженіе на чествованіи памяти кн. С. Н. Трубецкого, устроенном в Московском Университетѣ студенческим О-м "памяти князя Сергѣя Николаевича Трубецкого", коего председателем был автор этих строк.

Нашему обществу, скрывавшему в себѣ, по цензурным условіям, студенческую фракцію партіи Народной Свободы, удалось сконцентрировать весь цвѣтъ Императорскаго Московскаго Университета и Московской общественности.

Предсѣдательствовал бывшій предсѣдатель 1-ой Государственной Думы, С. А. Муромцев. Речь были произнесены Ректором Университета, А. А. Мавуиловым и профессорами В. И. Вернадским, П. И. Новгородцевым, С. А. Котляревским, Б. А. Фохтом и студентами Н. Н. Русовым и автором этих строк. Присутствовал весь состав Совета профессоров и "вся Москва". Многіе пріѣхали из С. Петербурга и из провинціи.

Всѣх изумляло отсутствіе лидера партіи К.-Д., П. Н. Милюкова. "Бог безтактности" и тут проявил свою натуру: подлинные конституционалисты не должны были, по его мнѣнію, забывать оскорбительную для них формулу кн. С. Н. Трубецкого о "гнѣздящейся крамолѣ". Так своими собственными руками к партіи к. д. приклеивали чуждый ей по ея природѣ революціонный ярлык.

Евгеній Ефимовскій.